

ЗАПИСКИ КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

**АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик**

ТОМ IV

**ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1930

Сардура III в Даш-Керпи у Чалдырского озера, изданная Н. Я. Марром еще в 1919 г.¹

Все отмеченное мною отнюдь не умаляет громадной заслуги С. F. Lehmann-Haupt'a пред халдоведением. Авторитетнейшим немецким ученым проделана колоссальная работа. Сложный вопрос о чтении халдских текстов нуждается в строго научном издании материала, и давнишняя мечта исследователей осуществляется лишь теперь. Безукоризненно точная передача памятников халдской эпиграфики, публикуемая С. F. Lehmann-Haupt'ом в недавно вышедшем его труде, начинает новую эпоху халдоведения, дающую впервые возможность охватить весь доступный материал. Только при таких условиях открывается путь к учету как параллельных текстов, так и разночтения и разновидностей по содержанию и по периодам длительного существования древневанского письма. И с этой стороны прав немецкий ученый в своих ожиданиях, что «будущий переводчик» — интерпретатор текстов вырастет на основах публикуемого корпуса. Будем надеяться, что остальные тома этого ценного издания, при уже налаженной работе, не замедлят стать общим достоянием лиц, интересующихся своеобразными памятниками когда-то мощной державы передней Азии.

И. Мещанинов.

55. M. v. Tseretheli. Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu (um 750 v. Chr.). Ein Beitrag zur Entzifferung des Haldischen. Heidelberg 1928 (Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, Jahrgang 1927/28, 5 Abhandlung), S. IV + 84.

М. Церетели, как видно из предисловия к его работе, берет на себя не одно только исправление прекрасного, по его словам, издания акад. Н. Я. Марра, посвященного найденным в 1916 г. в западной нише вавской скалы летописям Сардура. Его задача гораздо шире отмеченного им желания сделать доступным для ассириолога «своеобразную» транскрипцию этих надписей и данный в русском издании «своеобразный» перевод их, «едва ли понятные ассириологу». М. Церетели хочет дать разбором этих важнейших эпиграфических памятников новый подход к уразумению самой структуры халдской речи и на этом своем новаторском пути, начав с расхождения с русским издателем, расходится также и со всеми халдоведами, как с Сэйсом, так и с Шейлем, Леманн-Гауптом и Бельком. Он предлагает свое толкование и выражает глубокую благодарность проф. Ранке

¹ Зап. Кавк. музея, серия В. I, 1919.

и Гётце, в особенности последнему, за оказанную помощь в разъяснении халдского глагола. М. Церетели надеется, что им открывается новый путь к постижению сложного вопроса о структуре ванской клинописи.

Начав с неверного указания на то, что экспедиция была направлена Академией Наук (первое неудачное исправление), М. Церетели переходит непосредственно к переводу всех семи надписей Сардуровской летописи и с первых же строк перевода проявляет то свое самостоятельное отношение, о котором только что упоминал в вводных строках к своему изданию и которое заставило его, в значительной степени, не соглашаться с остальными интерпретаторами халдских текстов. Он решительно отвергает правильность толкования глагольных суффиксов с различием 1-го лица на *bi* и 3-го на *ni*. Он совершенно не считается также и с падежными суффиксами не только в косвенных падежах, но и в прямом. Благодаря этому, формы на *ni* и формы на *she* одинаково оказываются у М. Церетели падежами логического субъекта. Став на такую удобную для перевода позицию, не стесненную грамматическими правилами, автор настоящего труда считает себя в праве игнорировать толкования Н. Я. Марра, ввиду чего немецкий перевод его действительно резко разошелся с русским.

Объяснения Н. Я. Марра выделяют падежные суффиксы *ni* для дат. пад., *e* для родит. усеченного (ср. мегр. и чанск.), *she* для родит. полной формы (ср. мегр. и чан., а также *is* в груз.) и глагольные суффиксы 1-го лица *bi* и 3-го лица *ni*. Учитывая эти указания, мы получаем следующий перевод начальных строк Сардуровских летописей: ⁶Qaldni-ni umta-bi majini-e gishhuri-e karu-ni ^{ср}Mana-ni eban-e tequ-ni ²⁶Sarduri kai ²Argimteqini-e ⁶Qaldi kuruni ⁶Qaldni-ni gishhuri kuruni umta-bi ²⁶Sarduri-ni ²Argimtiqi ²⁶Sarduri-she ali-e umta-di ^{ср}Babiluni-e ebanigi-di... '(к) богу Халду обратился я (с молитвою), великою своею милостью покорил он области Маны страну, поверг он (ее) пред Сардуром сыном Аргистия. Бог Халд велик, к богу Халду своею милостью великому обратился я (с молитвою) за Сардура сына Аргистия. Сардур говорит: направившись в страны Бабилу область...'. При вольном подходе к указанным грамматическим правилам, у М. Церетели получается совершенно иной перевод, а именно: 'направилось в поход войнство Халда. Оно покорило страну Ману и поднесло (ее как собственность) Сардuru сыну Аргистия. При помощи могучего Халда, с войском могучего Халда двинулся в поход Сардур сын Аргистия. Я есмь Сардур, который пошел походом в страну Бабилу...'

Откуда мог появиться у нового халдоведа такой оригинальный перевод? Мне кажется, что объяснение этому мы найдем в том полном отрицании установленных норм, которое и привело автора к расхождению не-

только с Н. Я. Марром, но и со всеми остальными толкователями текстов. Все же, с другой стороны, я не берусь отрицать наличия у автора попыток объяснения своего оригинального подхода к пониманию структуры халдской речи. М. Церетели пришел к совершенно произвольному переводу вследствие своеобразного толкования глагольных форм. Такому своему толкованию он придает особое значение и, опираясь на проф. Гётце, кладет его в основу всей своей работы. Он считает, что если понят глагол, то понят и вся структура речи, поэтому только глаголу и посвящено единственное приложение (Anhang) к настоящему труду.

Особенность толкований М. Церетели, следовательно и проф. Гётце, заключается в том, что ими усматривается суффикс лица не в конечных *b₁* и *ni*, а в предшествующих им огласовках *u* для 1-го лица и *a* для 3-го, причем глаголы делятся ими на переходные и непереходные, из которых первые имеют характеризующий элемент *u*, а вторые *a* (в обоих случаях суффиксы). Свои построения М. Церетели иллюстрирует рядом примеров (стр. 67 сл.) весьма убедительных для него, но, думается мне, крайне не убедительных для остальных халдоведов. Дело в том, что отвергнув ясное по контекстам различие 1-го и 3-го лица суффиксами *b₁* и *ni*, он сосредоточил все свое внимание на отмеченных им гласных, ничего по наличным формам в желательном автору направлении не объясняющих. Последнее обстоятельство не могло не броситься в глаза и самому М. Церетели, так как в клинописных текстах, при его толковании, оказались в значении одного и того же лица не только глаголы, оканчивающиеся на *b₁* и *ni*, например *ka₁u-b₁* и *ka₁u-ni*, но и глагольные формы, характеризуемые, по его же собственным словам, предшествующею огласовкою. Например, такие формы как *u₁-ta-b₁* оказались и в значении 1-го лица и в значении 3-го, несмотря на наличие одной и той же огласовки *a*. Впрочем, это не смутило нового интерпретатора халдских текстов, так как именно в таком казалось бы полном противоречии его же собственным выводам он видит полное им подтверждение.

Ход построений М. Церетели следующий: *u₁-ta-b₁* есть 1-е лицо непереходного глагола, следовательно должно иметь признак непереходности *a* и суффикс 1-го лица *u*, кроме того, *a* входит и в саму основу разбираемого глагола. Таким образом, *u₁-ta-b₁* вышло из *u₁ta-a-u-b₁* (условно восстанавливаемая форма), которая в процессе ассимиляции дала *u₁ta-a-a-b₁* (тоже условно восстанавливаемая форма), давшая слияние двух последних *a* — *u₁-ta-ā-b₁*, каковая в свою очередь слила все *a*, оставив наличную в текстах форму *u₁-ta-b₁*. Это будет 1-е лицо непереходного глагола. Третье лицо того же непереходного глагола будет то же самое *u₁-ta-b₁*,

т. е. совпадет полностью с 1-м лицом. Но, говорит М. Церетели, это будет лишь случайным внешним совпадением, так как форма 3-го лица вышла из других праформ, а именно из *ш-ta-a-bi* ← **ш-ta-a-a-bi*.

Вся шаткость такового построения заключается к тому же не только в том, что весь ход мысли строится на восстанавливаемых самим исследователем формах, вовсе не улавливаемых в наличной клинописи, но и в том, что само деление на переходные и непереходные глаголы по этому их признаку (*и* — для переходных, *а* — для непереходных) требует еще проработки, так как непереходный глагол 'направляться' встречается с разными огласовками, т. е. и в форме *шта-а-bi*, и в форме *шта-1-bi* (*ulu шта-1-bi* Хорхор. лет. II 12 и др.). Правда, тут огласовка *1* связана с предшествующим *ш*, но все же глагол продолжает оставаться непереходным.

Другие, даваемые М. Церетели, объяснения, в части глагольных окончаний *d1* и *l1*, требуют ббльшей доли внимания, как покоящиеся на более убедительных доказательствах. Из них первое, относительно *d1*, совпадает с тем толкованием направительного суффикса, каковое дается ему в работах Н. Я. Марра. Что же касается второго, конечного *l1*, выражающего собою, по словам автора, множественность объектов, при обозначении единичного объекта суффиксом *ш1*, то приводимые примеры как будто бы подтверждают и этот вывод. Так, при одном объекте: *кагу-ш1* ^{ср}*Abihamqi* (II 20—21), *кагу-ш1* ^{ср}*Manani teku-ni* ^а*Sarduri kai* (Sayce, XLIX 1—2), при многих объектах: *кагу-а-л1* IV царя ^{ср}*Ueduri-Etishi* (III 47—48). Эти примеры можно было бы дополнить еще и другими не менее убедительными, как-то: один объект: *ш1* дворец *шд1-шту-ш-ш1* (Sayce, XVII 5, 10), множество объектов: ^а*Qaldini-l1* ворота-*л1* *шд1-шту-а-л1* (там же, 4, 9) и др.

Но, с другой стороны, нужно иметь в виду, что суффиксом *л1* снабжены и сами объекты, стоящие во множественном числе (*ш1-л1* ворота-*л1*). Следовательно *л1* является вообще показателем множественности. А в таком случае можно привести также ряд примеров, подрывающих стройность рисуемой М. Церетели картины, как-то: ^а*Qaldini-l1* ворота-*л1* *бадуше куши-ш-ш1* (а не *куши-ш-а-л1*, Ник. XII), засим: города многие *qarqar ши-ш1* (а не *qarqar ши-а-л1*), аше *sal lutu рагу-ш1* (а не *рагу-а-л1*) и т. д. Кроме того, тем же суффиксом *л1* (*а-л1*) нередко заканчиваются и непереходные глаголы, при которых обозначение объекта излишне, например, указываемый самим автором *шпа-а-л1* (стр. 72). Далее, в известной формуле проклятия, которая халдоведам должна быть хорошо знакома, так как именно с нее началось чтение клинописных текстов древнего Вана, глагол всегда оканчивается на *л1*, вне всякой зависимости от того, об одном ли

пострадавшем предмете идет речь или о многих. Автор, по отношению к данному случаю, отступает от своего объяснения, приведенного на стр. 67, и считает *li* в глаголах формулы проклятия за окончание причастия действительного залога, использованного в значении настоящего-будущего времени (стр. 69). Разницу в этих *li* он усматривает в следующем: первое из них, *li* — отношение к многим объектам, хотя и имеет впереди огласовку *a* (*a-li*), но таковая не принадлежит самому суффиксу (стр. 64—65), второе же не имеет огласовки *a* вначале, но должна была ее иметь, так как встречающиеся в формулах проклятия глаголы *du-li*, *ti-u-li*, *qa-u-li* и др. вышли из **du-u-a-li*, **ti-u-a-li*, **qa-u-a-li* и т. д., во всех случаях под звездочками, следовательно опять не реальные формы (стр. 70).

Не совсем убедительно и объяснение суффикса *di*, как суффикса воспринятого глаголом отношения (стр. 63). Приводимый М. Церетели пример на стр. 64: *аше sal luti rag-u-bi* ^{ср} *Виапа-i-di* (В 18) не дает желательного понимания, к тому же противоречит и предыдущим толкованиям, а именно: глагол *rag-u-bi* 'погнал', 'повел' имеет множественность объекта (мужчин и женщин), между тем оканчивается на *bi*, а не на (*a*)-*li*. С другой стороны, глагол не отразил и направления действия на *di*, отмеченного в далее следующем имени страны, 'в Биайну'.

Вообще, все приводимые примеры, поскольку они даются без звездочек, т. е. берутся прямо из текстов, как и данный пример на стр. 64, подкрепляют не автора, а тех остальных халдоведов, которые, по его словам, не уразумели структуры халдского глагола. По объяснению Н. Я. Марра, *bi* есть местоименный суффикс 1-го лица (субъективный), поэтому глагол *rag-u-bi* кончается на *bi* вне всякой зависимости от единичности или множественности объектов: 'мужчин и женщин погнал я в страну Биайну' (В 18—19), буквально: 'мужчины и женщины погнаны мною в страну Биайну'. Здесь, как и во всей халдской речи, налицо пассивная конструкция. При пассивной конструкции логический объект не совпадает с грамматическим объектом и потому излишне вообще наличие винит. пад., которого, в виде общего правила, и нет в яфетических языках, нет его и в халдском. В значении логического объекта используется неоформленный падеж, т. е., собственно говоря, именительный, и только в отдельных случаях объект, в зависимости от особенностей глагола, ставится в одном из косвенных падежей, в халдском чаще в дат. пад. на *ni*. Но это — вовсе не отступление от правил пассивной конструкции, а соблюдение особо выделяемых правил для неправильных с нашей точки зрения глаголов, т. е. для тех глаголов, которые в русском языке являются переходными, а в халдском непереходными (не требующими прямого объекта).

Понимание структуры халдского глагола и халдской речи вообще, предложенное акад. Н. Я. Марром, прекрасно иллюстрируется хотя бы на следующих примерах: $^{\circ}\dot{Q}aldin-ni$ $immaš-ni$ $^{\circ}Menua$ - $še$ $^{\circ}Išruinīqin$ - $še$ im дом $zadu-ni$ (Sause, 24) 'богу Халду величайшему Менуа сын Ишпуина этот дом соорудил', буквально 'богу Халду величайшему (дат. пад. на ni) Менуей Ишпуиновым сыном (род. пад. на ше = логич. субъект) это здание (неоформл. пад. = логич. объект) сооружено им (глагол на ni)', или, другой пример ie - $še$ im rii $agu-bi$ (Sause, 22, стр. 10—11) 'я этот канал провел', буквально 'мною этот канал проведен' и др. Отказываться от такого понимания структуры глагола, не смотря на доводы М. Церетели, а частично может быть и благодаря им, я не имею никаких оснований.

Относительно суффикса $dī$ можно отметить и еще одну особенность: непереходный глагол $išta$ - a - bi 'я направился', 'я обратился (с молитвою)' ставится всегда, когда имеется в виду обращение к одному Халду (в дат. пад. на ni), если же обращение направлено ко всей троице, то употребляется другой глагол с направ. суффиксом $dī$: $quti$ - a - $dī$. Эта последняя глагольная форма интересна тем, что здесь глагол, скорее всего, не принимает на себя частицы отношения к соседящим логически с ним связанным словам, а снабжается лишь частицею направления $dī$ без различия единичности или множественности мест направления. В противном случае, мы должны были бы иметь и в окончании самого глагола (при обращении ко многим богам) ту форму мн. числа от $dī$, каковую находим в халдских текстах в виде $ašte$, но только в именах существительных.

Таким образом, и в этой части еще преждевременно признание убедительности за делаемым М. Церетели построением. Конечно, указание автора (стр. 67) на то, что встречающееся в клинописном письме повторное написание гласного нельзя всегда приписывать произволу писца, безусловно верно, но в целом ряде случаев мы имеем подтверждение именно такой вольности, как бы ее ни толковать, умышленным ли растягиванием строк в письме не допускавшем переноса слов, или требованием ритма. Во всяком случае, в таких примерах, как начертание собственных имен $Iš$ - ru - u - i - ni - e - $qī$, вместо $Iš$ - ru - i - ni - e - $qī$, Mi - i - nu - u - a , вместо Mi - nu - a , Ba - al - tu - u - ul - $qī$, вместо Val - tu - ul - $qī$ (ср. Sause, 30, 45) и т. д., никаких грамматических особенностей в повторном написании гласного усмотрено быть не может. Следовательно, на тех же основаниях, и в глагольных формах могло появляться случайное повторение огласовки.

На это не обращено автором достаточного внимания, к тому же им вовсе оставлена без внимания неясность огласовки i и e , явно смущавшая халда не в одних только случаях с приводимым мною ниже именем Аргиш-

тия. Ею же объясняется написание имени Минуа через *Me-i-nu-a* и просто *Me-nu-a*, этим же объясняется в отдельных случаях написание *ḡiṣṣe* и *ḡiṣṣe* (**ḡiṣṣe*), написание той же усеченной формы *ḡi* и *ḡe*, а также, может быть, и смущающего исследователей окончания 1-го лица глаголов *bi*, *bie* и *be* (например, в глаголе *nuḡabe*, стр. 64). Иногда писец был просто вынужден делать это в тех случаях, когда в его запасе заимствованных ассирийских знаков не хватало таковых с конечным *e* или *i*, как, например, со знаком *mi* в чтении Минуа (графически *Me-i-nu-a* или просто *Me-nu-a*).

В виду изложенного, я затрудняюсь считать доказанным новое объяснение структуры халдского глагола с отклонением общепризнанного до сих пор толкования, усматривающего в суффиксах *bi*, *ni* окончания 1-го и 3-го лица аориста, в суффиксе *li* окончание 3-го настоящего-будущего, прилагательного и полных причастных форм. В предшествующих им гласных *u* и *a* усматривается характер группы времен, может быть удастся уловить в них и характер переходности (*u*) и непереходности (*a*), например *agu-u-bi* 'я увел' и *iṣṣt-a-bi* 'я направился', но суффикса лица, по предложенной автором схеме, усмотреть в этих гласных ни в коем случае нельзя.

К тому, что указывалось мною выше, именно, что М. Церетели строит свои выводы на теоретически восстанавливаемых формах, могу сейчас добавить и еще одно. Халдская речь несомненно допускала слияние гласных, например *e* и *i*: *Argiṣṣti-e-ḡi*, *Argiṣṣti-i-ḡi* → *Argiṣṣte-ḡi*, *Argiṣṣti-ḡi*. Все приведенные разновидности имеются на лицо, но, чтобы халдский язык допускал такое слияние как *a + u* → *a*, хотя бы чрез предшествующую ассимиляцию, этого на его клинописном материале не находим, между тем именно на этом и воздвигнута вся кажущаяся автору стройною его картина (**nu-na-a-u-bi* → **nu-na-a-a-bi* → *nu-na-a-bi* → *nu-na-bi* и т. д. во всех его примерах на стр. 68—69).

В связи с этим, мне кажется, что М. Церетели ошибся также и в своих заключительных словах: «Selbstverständlich konnten in diesem Anhang nicht alle Probleme des haldischen Verbums gelöst werden». М. Церетели не только не разрешил всех проблем халдского глагола, но и вообще не разрешил ни одной проблемы.

Что касается имен существительных, то, правильно отметив показатель субъекта в суффиксе *še* (стр. 29), автор совершенно не считается с этим своим же утверждением в других местах, и, как мы видели в приведенных нами первых строках летописей, усматривает подлежащее в различных построениях имен, оканчивающихся как на суффикс *še*, так и на *ni* и др. (*Ḡaldimi-ni*, *Sarduri-ni*, *Sarduri-še* и т. д.). Следовательно, и здесь

у него не чувствуется устойчивости. Приходится признать, что как в объяснении глагольных форм, так и в толковании склонения, М. Церетели не продвинул вперед сложного вопроса о толковании структуры халдского языка.

Не лучше обстоит дело и с объяснением отдельных слов, в частности с отказом от обычного понимания глагола *alī-(e)* 'говорит', толкуемого им как местоимение 'который' (стр. 29—30). Сопоставление его с *alu* (*alu-ше*, *alu-ji*) чисто случайно и не подрывает общепризнанного всеми халдоведами объяснения, подкрепляемого к тому же и параллелями из современных кавказских языков, как то сван. *kəle* 'он говорит' (при халд. *alī* ← **halī*, см. Н. Я. Марр, ЗВО, XXV, 15). Такое своеобразное понимание этой глагольной формы меняет весь смысл царских надписей, заключающих в себе обращение к богу покровителю, с которым беседует победоносный царь и которому он докладывает о своих успехах на поле брани или о своих же достижениях в области строительства.

По смыслу надписей, бог Халд действует вместе с царем или, вернее, через него, поэтому богу же нередко приписываются и военные успехи: 'покорил он (бог Халд) страну Ману' (А 1 и др.). Между тем, перевод М. Церетели нарушает весь выдержанный колорит царской речи ванской клинописи. Например, типичную фразу *Ḡaldini-ni uš mašī-ni* ¹⁶*Sarduri-še* ¹⁷*Argištišini-še alī-e* 'богу Халду величайшему Сардур сын Артиштия говорит', М. Церетели переводит так 'Величием бога Халда я есмь Сардур сын Аргиштия' (стр. 21, F 1). Здесь переиначен весь смысл, так как переводчик не вошел в сущность своеобразной конструкции прямой речи повествовательных текстов и не понял ее. Остались непонятыми им также и такие построения как *ikukani šalī pšiti* 'вслед за тем осенью', разъясненные Н. Я. Марром по сопоставлениям из кавказских языков (см. Заметки по яфетическим клинописям, ИРАИМК, III) и переводимые М. Церетели 'в этот год моего царствования в третий раз' (стр. 7, В 26—27) и т. д. Автор, очевидно, совершенно не знаком с работами Н. Я. Марра и ограничивается лишь текстом изданных им Сардуровских летописей и объяснениями к ним. Этого, конечно, не достаточно, когда критический подход применяется к полному охвату халдского эпиграфического материала.

В части графики и чтения знаков М. Церетели крайне внимателен и вносит ряд существенных уточнений. Между прочим, им, повидимому, правильно уловлено значение идеограммы 'день' *u. me*, хотя бы контекст и говорил о сказочных по размеру цифрах, повествуя о покорении в один день сотни и даже двух сотен городов (F 9, 25). Но и здесь, в одном случае, М. Церетели не последователен. Так, читая, вопреки Леманн-

Гаупту, знак ше полностью, ему следовало бы и имя бога Тейшеба (графически Те-е-1-ше-ба, надпись Хазине-Капуси 15) читать с полным слогом ше, а не усеченно Теишба (Е 4, 44, F 2, 28). Тут он, действительно, мог бы разойтись со всеми другими халдоведами и имел бы на то достаточное основание (см. мое Халдоведение, 123).

Если автор и прав в своих утверждениях о том, что в уразумении халдского языка мало помогают ассирийские билингвы Келипинской и Топсауской надписей и что путь к познанию речи Ванской клинописи лежит в ней самой, то все же избранный самим автором путь новаторского подхода, хотя бы и основанный на советах таких выдающихся специалистов как проф. Ранке и Гётце, оказался бы правильным лишь в том случае, когда самый ход построения его мыслей и подкрепляющие их примеры были бы убедительны. К сожалению, именно отсутствие последнего подрывает всю ценность новой работы.

Тут вопрос не в одной только аналитической транскрипции, в которую не захотел вникнуть автор и значение которой осталось вследствие этого ему непонятным. В упрек М. Церетели должно быть поставлено полное игнорирование кавказских языков, каковые он, казалось бы, мог знать ближе чем другие ассириологи и к каковым он обращался сам в своих же прежних работах, например, при сравнении шумерского языка с грузинским. Такого сравнения на этот раз он не сделал и подошел к халдскому языку только со стороны самого халдского и ассирийского. Благодаря этому он не учел основной особенности халдской речи — пассивную ее конструкцию, т. е. не понял всей сущности клинописного языка, явно не семитического в своей основе. Таким образом, с появлением нового труда М. Церетели продолжает оставаться в силе высказанное еще в конце прошлого столетия требование М. В. Никольского и Хюзинга о неизбежности углубленного подхода к халдскому языку со стороны кавказоведов.

Попытка же автора исправить «своеобразный» русский перевод дала в конечном своем результате действительно своеобразный перевод, но уже на немецком языке.

И. Мещанинов.

56. Fourth Pacific Science Congress. Java 1929. Excursion Guides. 35 №№. Science in the Netherland East Indies Ed. by **L. M. R. Rutten.** Amsterdam [1929].

IV Тихоокеанский Конгресс вызвал к себе большой интерес территорией, на которой он происходил. Он был тщательно подготовлен, и 35 путеводителей и интересный том о «Науке в Нидерландской Индонезии»